Дорога домой

Уже 7 лет, как я не был в родной деревне. В каждый свой очередной отпуск находились какие-то более срочные дела, которые, естественно, все переделать или уладить не удавалось. Поэтому, чем ближе подходил день выхода на работу, тем сильнее возникало чувство то ли досады, то ли вины. «Вот и в этом году не подсобил отцу баньку подладить». Мать писала, что отец совсем стал слаб здоровьем. Летом топтался по двору, пытаясь хоть чем-то помочь матери, или грелся на солнышке, сидя на скамейке у калитки. Зимой всё сидел у окна, да слушал радио. А мать отца жалела. Так ведь и было за что. Красивая девушка из всех парней выбрала моего отца. С виду решительная и гордая, она всё же была слабой женщиной. Приходилось видеть, как сидя рядом с отцом, мать, уткнувшись ему в плечо, тихо плакала. Отец же с такой любовью обнимал её, гладил, и успокаивал бархатным голосом. Когда же отец сильно уставал, или у него возникали какие-то неприятности, как тут же преображалась мама. Она становилась стройнее, движения были увереннее, походка твёрже. От неё от самой исходила какая-то неведомая сила. От её прикосновений, от участливого взгляда. В такие моменты, у меня проходили все боли и обиды. Став взрослым, я понял, как мои родители тянулись друг к другу, негласно заботились, оберегая и поддерживая.

Они вырастили четверых детей: три пацана и нам сестрёнку. Мы никогда не слышали, чтоб отец с матерью ругались. Споры были, ну ругани не было, и уж не дай бог, чтобы кто-то из них в запале, сказал обидное слово другому.

Любовь друг другу они перенесли и на нас. В доме всегда царила атмосфера тепла и доброты. А, поэтому, и мы росли добрыми, работящими, и участливыми к чужой беседе. У нас, как и у родителей было много друзей. Часто, люди обращались за советами то к моей матери, то к отцу. Мама при малых детях не работала, занималась нами, домом и хозяйством. Лишь в страдную пору ходила помогать колхозу. Отец же всю жизнь провёл за баранкой трактора, комбайна или автомашины. Его уважали за труд, за бескорыстье, за неиссякаемую энергию. Он никогда не жаловался на усталость, и лишь мать знала, как он уставал. Она отпаивала его чаем, отварами, растирала ноги и поясницу и всё приговаривала: «Ты бы, Ванечка, себя пожалел. Да и обо мне и о детях подумал. А еже ли мы из-за твоей работы одни останемся, каков нам белый свет будет? Детям нужен отец, а мне муж. Да не чужой дядя, а своя кровиночка. Откажи ты, Ванюша, начальству, за всех и всё не переделаешь. Начальство о нас не подумает, им ты нужен, пока работаешь. Вот ты и подумай. « Мать знала, что последние слова говорить было глупо, но беспокоясь о его здоровье, чтобы подзадорить отца, заведомо говорила неправду.

Семья наша была на виду в колхозе, и фамилия соответствовала – Видовы, а уж отца уважали очень. Собрание колхозные отец не любил, так как считал это потерей драгоценного времени. Его любимая поговорка: «Больше дела, меньше слов». За глаза, селяне его звали «наш Островский», потому что своё трудолюбие и неугомонность, он

оправдывал цитатой из книги «Как закалялась сталь». Жизнь человеку даётся один раз, и прожить её надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы. Не любил выступать с трибуны: «Чего от людей-то отгораживаться», и становился с ними рядом. Не любил длинных выступлений: «Чего воду в ступе толочь». Произносил несколько фраз, но в них был вопрос, ответ и предложение. И уже совсем не выносил докладов: «Чего народу докладывать-то. Пусть каждый посмотрит вокруг и станет ясно какова у нас жизнь. А цифры замени простыми словами да примерами». Когда отец выходил к трибуне, зал затихал. Знали, Видов скажет что-нибудь обязательно дельное.

Фотография отца постоянно висела на «доске почёта» района и лишь с годами фото меняли на новое, так как жизнь шла и годы меняли человека. Сколько раз ему колхоз предлагал ему разные путёвки. Сколько раз уговаривали отца и мы с матерью. Он понимал и соглашался с нами, но однажды признался нам, что ужасно боится разлуки с матерью. «Вдруг в это время мама заболеет и уж «не дай бог», случится худшее. Кто её поддержит, кто подаст руку помощи, кто утешит, кто защитит, кто приголубит детей, кто сумеет всё так, как сделаю я. Дети детьми, а что буду делать я, как смогу жить без своей Олюшки».

Как-то, когда здоровье отца дало сильно о себе знать, он всё же съездил на курорт. Зато сколько было потом разговоров! Привёз фотографии, открытки, рассказывал на какие экскурсии ездил в свободное время, какие прочитал книги, какие принимал процедуры и массаж и каждый раз свои рассказы заканчивал словами: «Много повидал я красивого, добрых людей встречал, медперсонал был отзывчивый. Но красивее природы родного края не видел, чувство теплее, чем в нашей семье не испытывал, а уж сильнее, ласковее и мягче твоих, Оленька, рук не чувствовал».

Деревня наша была, как в песне «Деревянная дальняя». Добираться к ней нужно было на поезде, потом пригородным автобусом и пешком. Как обычно в дороге первое время думаешь о том, что оставил, а затем мысли постепенно переходят на предстоящие встречи, на новые дела. Меня родители ждали всегда, перед которыми я был в большом долгу.

Под волнующее чувство предстоящей встречи, нахлынули на меня тёплые воспоминания о моем детстве, о моей молодости. Я помнил родителей молодыми, задорными. Мама была заводилой на гуляньях. Водила хороводы, плясала. А как пела! Голос звонкий, сильный. Я всегда удивлялся, как она могла помнить столько разных песен. На все случаи жизни и под любое настроение. Они вдвоём с отцом могли дома петь за работой, а то и просто так, в зимние вечера. Мы любили такие моменты. Когда были маленькие, сидели у родителей на коленях, постарше – сидели на полу, прижавшись к их ногам или на печи пытались им подпевать.

Галя пошла в мать, пела красиво и этим очень гордилась. После окончания культпросветучилища сестра работала заведующей клубом на центральной усадьбе нашего колхоза. Это не очень далеко, и она частенько приезжала домой, так как её дети летом, почти всегда гостили у дедушки с бабушкой.

Младший брат Сашка после школы остался в деревне. Ещё в детстве не в страду отец брал его с собой в поле, катал на тракторе, комбайне, что-то ему объяснял, рассказывал. Когда же возвращались оба домой, то мама встречала их как великих тружеников. Папа подхваливал Санька, а уж брад был гордый, что он помог колхозу. Вот так он и прикипел к технике и к родному селу.

Старший брат Андрей служил в дальних краях и после срочной службы остался на сверхсрочную. Вскоре женился и остался там навсегда. Домой приезжал очень редко. Далеко, дорого.

А я после школы поступил в областном городе в институт. На последнем курсе женился на своей сокурснице и тоже остался в городе, так как это был её родной город, и уезжать она никуда не хотела.

От железнодорожной станции до перекрёстка к нам в деревню 28 км. Автобус проезжал через всю первую деревню, вторая была рядом с трассой и лишь до моей деревни от перекрёстка, если идти пешком вдоль края поля было 5 км. Можно на прямую через лес пройти 2,5 км. Автобус уже далеко отъехал от меня, а я всё стоял и не мог решиться какой же дорогой мне идти. И всё же я выбрал тропу.

В лесу было больше памятных мест. Часто, когда нужно было быть в городе, мы без автобусов туда ходили пешком. По пути рвали малину, землянику, смородину. Однажды мы с сестрой остановились у заросшей малины и стали рвать её переговариваясь и вдруг послышался какой-то треск, и рычание. С испугу мы присели, замерли, а через какое-то время из кустов поднялся медведь и пошёл от нас в противоположную сторону. До трассы около километра, мы бежали не останавливаясь. Отец объяснил дома: «Вам повезло, медведь спал, поэтому он вас не видел. Вы его разбудили, но он с про сони ничего не понял, к тому же он был сыт».

Я помню, как на Троицу мы ходили в лес за цветами, травой и ломали ветка осины, берёзы, чтобы украшать ветками ворота, а в доме чтобы пахло травой и цветами. Как на Масленицу устраивали в лесу гулянья, а на Ивана Купала у леса на берегу запруды разводили костёр и прыгали через него. Счастливое было время! Всё это я вспоминал, уже когда ехал в автобусе.

Деревня наша располагалась в низине, так как вокруг были всё поля. С одной стороны деревни бежал широкий ручей, где мы купались и ловили рыбу. С другой стороны, была большая запруда, куда недалеко мы гоняли лошадей в ночное. На краю деревни стояла мельница, где мельником работал мамин брат, и мы бегали ему помогать.

Мама писала, что в деревне построили новый клуб, новый хороший магазин, продавцом там работала мамина племянница. Одно время мама тоже ей помогала.

Деревня наша состояла всего-то домов до 100 с одной лишь улицей. Избы простые: комната, посредине русская печь, стол да кровати. Колхозные же дома были уже с комнатой и кухней, есть сени, но печи всё же клали ещё русские.

Пока шёл по тропе обратил внимание, что нет черёмухи, и вскоре учуял её запах. Оглянулся, нет её нигде. Прошёл дальше и оказался на возвышенности, а внизу

большая поляна. Вся белая от цветов черёмухи. Я обалдел! Сел на чемодан и заплакал. Слёзы сами потекли рекой, Господи, какая благодать! Какая красота! И это всё моё родное. Помню, как мама пекла с черёмухой пироги и рулеты. Мы же все бегали летом с синими ртами и руками от ягод черёмухи. А сколько ягод сушили на зиму!

Мама жаловалась в письме, что городские весь лес испортили, имеют машины и заезжают каждый год всё глубже в лес. Им не жалко ничего, вытоптали землянику, малину, смородину и даже выкапывают к себе на дачи. Уже трудно найти грибы в лесу.

До деревни оставалось совсем немного и, вдруг, в нос мне ударил запах навоза. Что это? Откуда? Оказалось, на том месте, где мы прыгали через костёр на «Купала», водили вечерами хороводы, теперь располагался летний лагерь для коров. Чтобы оставить в памяти счастливое воспоминание детства, я ускорил шаг.

Но уже подходя к дому, я почувствовал, что ноги у меня налились свинцом. Я их еле переставлял, а чемодан такой тяжелый, что рука еле удерживает его. Сердце пыталось выпрыгнуть из груди. Чувства радости и вины не давали мне открыть калитку и войти в дом. Телеграмму о приезде я не давал.

Отпуск в деревне

Весть о том, что я приехал в деревню, разнеслась по домам в пол часа. А через 2 часа к нам уже подтянулись гости. Каждый нёс что-то своё: яйца, сало, наливку и т.д. Кто-то даже зарезал барана и принёс маме мясо, чтоб та не беспокоилась о еде.

За стол садились партиями. Шутки, смех, вопросы, ответы. Голова кругом. Песни весёлые пели. В общем успокоились только через два дня. От впечатлений, от разговоров, от суеты я устал, а отец слёг и пролежал более суток в кровати, не вставая. Мама же как всегда, чем больше забот на неё сваливалось, тем твёрже она становилась.

Родителям мы помогали. Чаще всего деньгами. Самим им уже не хватало сил, то с огородом управиться, то дров из леса привезти и привести их в порядок. Да мало ли на что могут пригодиться деньги.

Рядом с нашим домом жила с семьёй папина родная сестра. Её дети намного старше нас, но мы никогда не звали их дядей и тётей. Просто по именам. В этот раз сено решили заготовить сами. Машиной Павлика я пользовался как своей. Наш покос от деревни далеко. Поляна очень большая и в неё врезался клином перелесок. В детстве в нём мы всегда отдыхали и обедали. Пока родители косят траву, мы строим в перелеске шалаш. Собираем и едим красную ягоду. Кто как её называл: морошкой, ползунихой, кислицей. Ягоды всегда было много, приносили даже домой.

Однажды отец говорит: «Олюшка, посмотри, как растут около нас дубы, как братья рядом. Вот бы им сестрёнку посадить. Дубы зимой и осенью красивые листвой, а черёмуха, липа, боярка весной цветами радуют, а осенью плодами». «Да где же его взять, такое дерево? По всему лесу искать что ли?» - отвечает мама. На том и закончили разговор.

Прошло после этого года два или три и как-то отец говорит: «Олюшка, я тебе такой подарок приготовил, думаю понравится. Только он далеко, мне не донести». «Так что же это за подарок такой, если он будет далеко, и я его не буду видеть?» - спрашивает мама. «Видеть ты его не будешь часто, но помнить о нём будешь всегда» - ответил отец. Прошло ещё какое-то время, и мы отправились на покос. И тут отец показал ей подарок. Недалеко от дубов росла рябина. Как она здесь оказалась? Как и от кого отец достал и посадил куст рябины, его секрет. «Вот, Олюшка, я для тебя всегда буду сильным и крепким. Защищать тебя и семью. А ты будешь для нас цвести и плодоносить».

Когда мы с мамой подъехали к покосу, я вспомнил о деревьях и поспешил их проведать. Дубы сильно подросли, а на рябине уже были ягоды. Пробыли мы на покосе целый световой день. Косил я много и с большим удовольствием, соскучился по сельской работе. В перерывах о чём мы только не говорили с мамой, вспомнили всех родных, наше детство и последние годы. Душой согрелись и, кажется, ещё ближе стали друг к другу.

Дома уже были Галя с семьёй. Им дали отпуск на неделю. Мы рассказали с мамой им, что отец жалуется, что устаёт от телевизора, от внуков. Он внукам рад, но они такие шумные и непоседы. Телевизор смотрят, кричат, толкаются. А то начнут по избе бегать, за дедушкину кровать или под неё прятаться.

На следующий день, отдельный уголок-закуток для отца был готов. Мы с Петром поставили перегородку лёгкую и получилась комната: кровать, тумбочка, стол. За свою бурную, трудовую жизнь, отец действительно очень устал. Он уходил в свою «норку» и, что делалось за перегородкой, его уже не интересовало.

Пока мы с Петром занимались ремонтом дворовых построек: перекрыли крышу в стайке и на сеновале, привели в порядок загон для кур, Галя с мамой сделали большой ремонт в избе. Приходили помогать и родственники. Саня, за время моего отпуска, домой с полевого стана приезжал на пол дня два раза. Обещал привезти домой с покоса сено, как оно высохнет. С мамой на покос мы ездили ещё раза три ворошить волки. Проезжая мимо полей, увидел много заброшенной земли. Раньше, в колхозе была своя пасека, лесные и полевые травы, цветы. Цвели деревья. В колхозе сеяли гречиху. Мёду собирали много. После медосбора, раздавали каждой семье по норме, остальной мёд сдавали заготконтору. «Пасеки уже давно нет и гречиху не садят» - ответила мама – а ведь какие были красивые бело-розовые поля».

А ещё я помню, как в детстве, мы с пацанами украдкой бегали на поля за горохом. Объедались на поле и домой приносили за пазухой для себя про запас.

Как-то в ненастье мы сидели дома. Смотрели телевизор, кино про войну. Отец стал возмущаться, что всё время речь идёт о ветеранах войны. А кто помогал нашей армии на фронтах, кто не давал погибнуть стране в тылу. Отец не был на фронте, хотя очень просился. За его дела, «золотые руки» он был оставлен в колхозе. «Ведь кому-то надо помогать и руководить на местах» - так ответили ему в военкомате, и отец успокоился.

Ведь в деревне остались одни немощные старики, женщины, да малые дети. Даже и они пригодились на некоторых участках.

Вот что вспоминал отец:

«Из-за отсутствия мужчин, многие доярки ушли работать на трактора, комбайны, автомашины. Коров поделили на оставшихся доярок. Заехал я как-то утром на ферму, забрать бетоны с молоком и вести их в город на молокозавод. Слышу, в коровнике кто-то не плачет, а ревёт, воет. Нашёл я эту женщину. Сидит на стульчике, уткнулась головой корове в брюхо и ревёт. Стал успокаивать, думал, может плохую весть узнала или ещё что, а она подняла на меня глаза полные слёз, сказать ничего не может, показывает мне свои руки. А рук-то там нет. Две какие-то култышки от локтя. Руки от непосильной работы так опухли, что всё слилось в сплошное. Пальцы - как бруски, между ними чуть заметна разделительная полоска. «Я не могу такими руками работать. Они ведь ещё и болят. Дома дети, их кормить надо. Здесь коровы тоже живые. Что мне делать? У меня нет сил дальше жить» - плачет она и приговаривает. Уговорил я доярок подоить её коров, а её отправил домой. Через день ей нашли замену. А я ехал тогда в город и от обиды, злости, так впился пальцами в баранку машины, что у меня руки занемели. Всю дорогу, глотал слёзы. Встретился мне бы этот фашист в то время, я бы от гнева его задушил. Я не хочу кого-то выгораживать, кого-то обвинять, но есть несправедливость. Иной военный в праздничный день бьёт себя в грудь: «Я воевал». А сам стоит прямой и походка твёрдая. Да если бы ты повалялся в окопах, ползал на высотку, походил бы по реке в воде по горло и от страха, что можешь умереть от пули или уже так утонешь, бьёшься из последних сил, чтобы выжить, ты бы, вояка, не стоял с такой выправкой. Тебя бы боевые болячки давно согнули, окрутили. Да и жил бы ты ещё? Может, ты штабистом или тыловиком был? А мы свои силы и здоровье здесь в тылу молодые годы уже отдали».

«Знаешь, папа» - перебил я отца. «У меня в городе, у хорошего друга, отец по возрасту не попал на фронт и всю войну прошел в партизанах. У него не спине рана от вражеской пули. У него перемерзали, а то и часто в сапогах, в воде были ноги. Сейчас они у него сильно болят, всё время опухшие и синие. Он плохо ходит. Даже в жару он сидит дома в валенках. Я никогда не слышал, чтобы он хвастался, как бил врагов. Считает, что служил Родине и отдал за неё всё что мог и как мог».

«А меня ещё другое возмущает» - заговорил опять отец. «Пьяница где-то лежал или по своей глупости отморозил себе ноги или руки. Рабочий получил увечье на производстве. А обоим назначают пенсию по инвалидности и почти одинаковую. А я бы этому пьянице назначил пенсию такую, чтоб только на кусок хлеба, да на штаны хватило. А доярка работая в тылу , получила болезнь на всю жизнь. Да, награждали и нас медалями, но всё это оставалось в своей семье, в своём колхозе. Но почему не пишут об этом книги, не ставят кино. Помню фильм «Председатель» с Ульяновым в главной роли. Вот это фильм о нас, но уже после войны. Ни разу не слышал, чтобы таких людей приглашали в школы на встречи ветеранов. Войны отстояли Ленинград, Москву, Сталинград взяли Берлин – им честь и слава. Но расскажите вы и о простых

тружениках войны! Мы не слазили в те дни ни с машины, ни с комбайнов. Мы засыпали на ходу. Я до темноты работал в поле, а на ночь ставил машину так, чтобы солнце, когда вставало утром, его первые лучи светили мне в лицо и будили меня. Не уходил я никуда, я спал в машине, в кабине, чтобы не терять время на ходьбу. Утром умывался, кусок сухаря хлебного в рот и жую, чтобы не уснуть снова. На фронте умирали от пуль, ран, текла кровь, но ведь и у нас гибли люди он перегрузки, нервного срыва, от отчаяния, от недосыпа. От перенапряжения и у нас текла кровь носом.

Детворе некогда было играть в свои игры. Девчонки 10-12 лет бегали на ферму, помогать матерям. Сначала дочь доит корову, потом додаивает мать. Пацаны, если не в поле или машинном дворе, тоже не ферму. Вот о каком детстве надо рассказывать. Никто в те годы не чурался никакой работы. И каждый прожитый трудовой день, для нас был днём Победы. Вот об этом надо говорить в школах, институтах. Поднимать тему патриотизма в книгах и кино. Пока живы люди военных лет, может в каких-то семьях и вспоминают о своём детстве. Но что знает об этом молодёжь? Что они знают и много ли о старшем поколении? Она не хочет об этом слышать и не слышит».

Цивилизация пришла и в нашу деревню. Построили новый клуб, а он пустует. Библиотека закрыта. Никто сейчас не читает, кино не крутят. Почти в каждом доме есть телевизор. Деревня как вымерла, на улице никого нет. Дети и те мало играют в резвые игры. Люди или на работе, или по своим избам у телевизоров сидят. Скотины и той мало стало в подворье. На собрания в клуб ходит мало кто.

Сейчас через деревню проложили хорошую грунтовую дорогу, многие из деревни имеют свои легковые машины, вот и гоняют в город на рынок или в магазины за покупками. Мельницы нет. А зачем она? Ведь в деревенском магазине всегда есть мука, хлеб и разные печёные. Варенья, фрукты, соки, всё тоже есть. В лес уже не тянет. Печи топят и то, уже углём. Дрова не очень нужны. Вот и сидят все по домам от скуки у телевизора.

Я помню, мама у нас была в деревне повитухой, т.е. принимала роды у селянок. Была у нас медсестра, но в этом деле она для мамы была лишь помощницей. Моя мама этому делу научилась у своей мамы. Тогда дороги были плохие, а то и совсем не было. То слякоть, то снежные заносы, а заранее ехать в роддом очень редко кто хотел. На кого оставлять семью и хозяйство. Сколько же крестников было у мамы? «А помнишь, Олюшка, как ты говорила, что я нужен колхозу пока работаю» - опять заговорил отец. «Ты оказалась дальновидящей. Я не о себе сейчас говорю. Разве мало к нам в колхозе достойных людей, что на своих плечах держали и тянули в военные годы и после всё разрушенное хозяйство. А кто сейчас о них помнит? В школе, рядом с портретом ученика-героя войны нет портрета ученика-героя тыла. Наши подвиги ушли в прошлое и забываются. Молодёжи это не интересно, у них сейчас свои интересы. Я иду по деревне и многих уже не знаю. Деревня пустеет и много привезли переселенцев. Да и те, кто со мной знаком не всегда здороваются». «Ладно, Ванечка, хватит вспоминать печальное, горькое» - перебила мать отца. «Давай ложиться спать. Завтра Виталика в дорогу провожать. Утро вечера мудренее».

Утром мама мне сказала: «Спасибо, сынок, что вчера долго и спокойно поговорил с отцом. Вы с ним схожи характером. Такие же оба неугомонные, чистосердечные. Всю папа душу перед тобой открыл, а то сидит молча со своими мыслями целый день. Телевизор не смотрит. «Там всё убийство да насилие показывают» - возмущается отец. «Всё войны кругом. По радио эти новости послушаю, да хоть глаза мои этих ужасов не видят. Кино и того хорошего нет. Что не фильм, то стрельба, убийства, а то сплошное бл-во. Свободу народу дали, а моральные, духовные качества утратили. А мультики? Разве можно сравнить старые и новые мультики-фильмы. Такое впечатление, что художники сами никогда не видели, как выглядят звери, животные. Таких чудовищ нарисуют». «Это и правда» - продолжает мать: «Откуда в молодёжи будет чувство прекрасного, если упала нравственность. Каким языком они разговаривают. Другой раз диво даёшься. Кто их этому учит». «Да в том-то и дело, что никто их ничему хорошем не учит» - отозвался отец. «У нынешней молодёжи другие идеалы. Не будем говорить, что вся молодёжь плохая, но всё же…»

К вечеру стали собираться гости. Пришли только близкие родственники. Сидели недолго, спокойно говорили: обещания, наказы, советы и т.д. Павлик согласился довести меня до трассы. Я отказался. Хотелось ещё раз пройтись по родной земле, подышать воздухом своего детства. Провожать меня родители вышли за калитку. Если во второй половине моего отпуска отец как-то взбодрился, повеселел, даже шутил, то сейчас стоял рядом с матерью он такой осунувшийся, угрюмый и как будто бы сразу постаревший. Мама сильно плакала. Глаза отца были полны слёз.

Поезда не пришлось долго ждать. В вагоне я занял верхнюю полку и сразу лёг. Так я пролежал без движения почти сутки. На душе было так тяжело, что казалось болело всё тело. Как теперь будет жить мои родители одни. У Саши была отсрочка от армии, но теперь осенью он уходит служить. Конечно Галина рядом, но это всё же не вместе. В отпуске я не раз пытался договориться с ними о переезде ко мне или Андрею. Сейчас у меня с семьёй 3-х комнатная квартира с удобствами и горячей водой. Переехали мы сюда не так давно по распоряжению моего бывшего начальства. В новом городе создавали филиал нашего предприятия. Направили и меня для оказания помощи в становлении филиала. Нам понравилось здесь: природа, климат и много чего ещё. В общем мы остались.

Но отец ни о каком переезде и слышать не хотел. «Да здесь моя родная земля. Моим потом и кровью пропитана. Здесь у меня горе и боль, счастье и радость были. Как я могу предать свою землю и уехать на чужбину» - возмущался отец – Никогда больше не заводите на эту тему разговоров». А у меня всё стояла перед глазами его сгорбленная фигура, и полные отчаяния слёзы в глазах. Трое суток я рва своё сердце не зная, что делать и как поступить.

За отпуск я очень соскучился по жене, детям. Да и на работу уже хотелось. Шли четвёртые сутки пути. Поезд медленно шёл вдоль перрона, и я видел в толпе свою семью. От радости у меня было желание на ходу спрыгнуть с подножки вагона и бежать к ним на встречу. Но объятия были почему-то не очень радостными. Люда

была какой-то сдержанной и не очень разговорчивой. Дети тихонько переговаривались.

Дома я разрешил детям распаковывать чемоданы и разбирать подарки. Пока Люда собирала на стол, я сходил в душ. «Мне звонил Андрей» - сказала жена – Спрашивал не приехал ли ты». «Что он хотел? О чём говорил? Ладно, я ему потом перезвоню» - откликнулся я. Люда подала мне телеграмму, вдруг, меня словно окатило ледяной водой. Я протянул руку, рука дрогнула, и я почти вырвал телеграмму из рук жены. «Папа умер» - коротко гласил ее текст.

На похороны отца летал Андрей. Я с сердечным приступом лежал в больнице. Отца похоронили с почестями. Народу было много. Приезжали и люди с других деревень, кто знал отца. У его могилы начальство говорило речи. Всё же отец для колхоза был значимым человеком.

Мама в деревне прожила полгода и переехала ко мне. Мы решили, что ей лучше будет у меня. Избу она оставила детям своего племянника. С собой не забрала ничего и не продала. Когда я её увидел после похорон, не узнал. Это была совсем седая, маленькая, сгорбившаяся старушка. Она стала замкнутой, безразличной ко всему.

Первое время мама сидела в свое комнате и всё время вязала, а рядом находился тот самый приёмник, что слушал папа. Приезжал Саша. После армии поступил там же в институт. В разное время были у нас Андрей и Галина с семьями.

У меня родился внук, а у мамы правнук. По её просьбе правнука назвали Ванечкой. Прабабушка всю свою любовь отдаёт Ванечке , не подпускает никого к нему. Вначале всё пела ему песни, теперь много с ним гуляет, ходит и всё разговаривает.

Кажется, мама от горя отошла.

Детский дом

Моя семья жила в городе Ворошилове, ныне Уссурийске Приморского края. В семье нас было трое. Папа работал на Масложиркомбинате им. Микояна (МЖК). Мама работала доктором в поликлинике при МЖК по улице Комсомольской. Я ходил в детский садик, тоже от МЖК. Мы жили дружно. Родители меня очень любили и, иногда, баловали. Когда мы ходили гулять, мне покупали игрушки или сладости. Я любил эти прогулки с семьёй, особенно, когда мы ходили в парк ДОСА, парк им. Чумака, в парк «Зелёный остров, ведь там было много аттракционов, качелей и даже «Чёртово колесо».

Как-то папа стал куда-то собираться. Оказывается, он уезжал далеко на войну. Прощаясь, мама сильно плакала, а папа целовал нас и говорил мне:

- «Остаешься за главного!
- «Так, я и раньше в семье был главный!»
- «Защищай маму!».
- «Как же я буду маму защищать, если она такая большая, а я такой маленький?».

Прошло время. Мы с мамой спокойно жили вдвоем. Однажды утром, мама мне сказала:

- «С сегодняшнего дня, Сережа, ты будешь ходить в другой садик. Там тоже много детей, ты будешь с ними жить: гулять, спать, играть, кушать. Теперь это будет твой дом, а я поеду искать папу. Как только его найду, мы приедем и заберем тебя домой. Фронт далеко, и ты меня скоро не жди».

Я остался в новом доме, где тут же познакомился с мальчиком Колей, дружба с которым прошла через всю нашу жизнь. Что такое война, я не знал. Колька был постарше меня, а значит, знал много. Он объяснял:

- «Война – это такое место, где сильно все дерутся».

А слово Фронт, я объяснил себе:

- «Это магазин, и мама там что-нибудь купит и принесет мне. Только надо подождать».

Иногда, в наш дом приводили других детей. Позже, я узнал, что наш дом называется Детским домом. На правах «старшего», Колька всегда был рядом. Если мне становилось грустно, и я начинал реветь, он успокаивал меня, старался втянуть в какие-нибудь игры.

И, вот, меня позвали в кабинет начальницы. Мы побежали с Колькой вдвоем, так, как решили, что пришли мои родители. В кабинет я вошел один, но там сидел чужой дядька. Поздоровались. Он взял меня одной рукой и посадил к себе на колени. Я еще подумал:

- «А чего он другую руку в карман спрятал?».

Дядька что-то спрашивал у меня, что-то рассказывал, а я оглядывался на дверь. Думал, что папа играет со мной в прятки, как раньше мы играли дома.

Дядька привез документы на меня нашей начальнице, и она вклеила их в мое личное дело. Дядька мне сказал, что они с моим папой хорошие друзья. Но так получилось, что у него заболела рука, и он приехал домой, а мой папа остался там, что мой папа не приедет, чтоб я его не ждал. Я ему не поверил и от обиды на отца, горько заплакал:

- «Как он может не приехать? Он же знает, что я его жду».

Тут дядька вытащил из кармана две шоколадные конфетки и отдал их мне.

- «Это от папы» - сказал он.

Начальница зашмыгала носом, а я успокоился, потому что поверил:

- «Папа обо мне помнит!»

Прошли года, но никто из родителей ни за мной, ни за Колькой не приходил. Мы ходили в среднюю школу № 14, которая была подшефной МЖК. Нас часто водили на экскурсию на комбинат. Лучшим ученикам и семьям погибших воинов в Великой Отечественной войне руководство выделяло бесплатные путёвки в пионерский лагерь «Пищевик».

Став уже взрослым, я нашел свое личное дело в детском доме. Там прочел записи. Папа погиб в тот год, когда ко мне приезжал незнакомый дядька. Мама погибла на чужой земле в день Победы от шальной пули.

Я уже смутно вспоминал лица моих родителей и те счастливые дни с ними. Ведь мне тогда было всего четыре года.